Из досье КГБ

Василий ГРИШАЕВ

Голова подъесаула Кайгородова

«СТРАШНЫЙ ВЕЩДОК»

Около недели вышестоящие штабы ничего не знали о судьбе 1-го и 2-го истребительных отрядов ЧОН. Лишь 13 апреля 1922 года командир 185-го полка доложил по прямому проводу комбригу-62 в село Алтайское, что к нему в Онгудай прибыли от Долгих гонцы с донесением. В нем сказано, что истреботряды, перевалив Яломанские белки и потеряв во время перехода более половины личного состава, на рассвете 10 апреля атаковали Катанду. Кайгородов и его штаб уничтожены, взято в плен 40 бандитов, захвачено 486 винтовок, 2 пулемета, 30 тысяч патронов и 200 лошадей. А в доказательство Долгих прислал в ящике со льдом голову Кайгородова. Голову опознали сестры Кайгородова и жители Онгудая, знавшие подъесаула в лицо. Сразу же он отправил этот «вещдок» в штаб бригады, в Алтайское...

Из Алтайского голову переправили в Барнаул. Председатель Барнаульского горсовета М. И. Ковалев пишет в своих воспоминаниях, как начдив-21 Опчинников принес ее в большой, наполненной спиртом кастрюле на заседание губисполкома.

Признаться, мороз по коже продирает, как представишь руководителей губернии вокруг кастрюли с отрубленной человеческой головой!..

Кто-то из них додумался отдать распоряжение, чтобы голову показали и несчастной жене Кайгородова, томившейся в Барнаульской тюрьме в качестве заложницы.

Весь этот вандализм — иначе не назовешь — имел целью убедить «бандитов» и им сочувствующих, всех, для кого Кайгородов был надеждой и знаменем, в бессмысленности дальнейшего сопротивления.

Из Барнаула необычный «трофей» был отправлен в Новониколаевск. Всесибирское начальство оказалось тоже любопытным. Потом голова мятежного подъесаула была зарыта, наверно, где-нибудь на заднем дворе красноармейцем из охраны или брошена в топку...

Так кто же он был, подъесаул Кайгородов, в подтверждение смерти которого, как средневекового вельможи, понадобилась голова?..

ПРАВДА У КАЖДОГО СВОЯ

Считается, что в гражданскую войну бедняки сражались за советскую власть, богатеи — против. Но из каждого правила есть исключения. Одним из таких исключений и был Кайгородов. Он родился в 1887 году в семье крестьянина-переселенца из Томской губернии, рано умершего. Мать его была алтайкой. Окончил сельскую школу, некоторое время служил таможенным объездчиком в Кош-Агаче. До армии с женой и малолетним сыном (судьба их неизвестна) проживал в селе Абай, неподалеку от Усть-Коксы. С фронта вернулся прапорщиком, полным георгиевским кавалером. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года имел: лошадей — 2, коров — 2, овец — 6, телегу негодную на деревянном ходу — 1. Плуг, борона и веялка значились как чужие. По алтайским меркам — почти бедняк!

Но в то время как другие фронтовики чаще всего были опорой большевиков в установлении советской власти на селе, Кайгородов сразу же показал себя ее противником, упрямым, решительным, идущим до конца. Правда, он признавал демократические завоевания революции, но выступал против ее крайностей — продразверстки, бессудных расстрелов, непримиримости коммунистов к инакомыслящим; ратовал за незаконно разогнанное Учредительное собрание, свободную торговлю, право крестьянина распоряжаться продуктами своего труда.

Мы только теперь, через многолетний горький опыт, пришли к тому, что он понял и осудил еще тогда.

Кайгородов до сих пор числится у нас в бандитах, прислужниках баев, кулаков, белого офицерства. Не собираюсь бросаться в другую крайность и рядить его в белые ризы, но, думаю, настала пора спокойно, с позиций нового мышления, разобраться, кто же он был на самом деле? Возможно, в этом помогут излагаемые здесь сведения о последних четырех годах жизни этого человека; я по крупицам собирал их в течение многих лет.

В марте 1918 года Кайгородов заседает в

Улале на учредительном Горно-Алтайском съезде инородческих и крестьянских депутатов. Съезд избирает Каракорум-Алтайскую окружную управу во главе с художником Г. И. Гуркиным, высказывается за создание государства Ойрот, в составе которого предполагалось объединить русский Алтай, Хакасию, Туву, Монгольский Алтай и земли исторической Джунгарии.

После контрреволюционного переворота (май 1918 г.) управа безоговорочно поддержала Временное Сибирское правительство. В ноябре к власти пришел Колчак, сторонник «единой и неделимой России». Вскоре Г. И. Гуркин был арестован по обвинению в «насильственном посягательстве на выделение Горного Алтая в самостоятельную республику». Из бийской тюрьмы он был выручен стараниями Г. Н. Потанина и других лиц, вступившихся за «лучшего сибирского художника». Навьючив на лошадей свернутые в рулоны картины, талантливый художник, искренне любивший свой голубой Алтай, отправился на чужбину.

А Каракорум-Алтайская окружная управа стала уездной земской управой и уже не смела заикаться о национальной автономии. Она проводила заготовку продовольствия и сбор пожертвований для белой армии, развернула работу по формированию «туземного конного дивизиона». В этом самое активное участие принял Кайгородов, прекрасно знавший алтайский язык.

В мае 1919 года 1-я сотня дивизиона была направлена в ставку Колчака. За успешное его формирование Кайгородов удостоился личной благодарности Верховного правителя. Эта благодарность спасла его от крупной неприятности. Дело в том, что за дебош, учиненный на бийском вокзале во время проводов сотни, Кайгородова разжаловали в рядовые. Теперь он был восстановлен и в звании, и в должности заместителя командира дивизиона.

В сентябре Колчак распорядился вернуть сотню в Горный Алтай для борьбы с начавшимися там «беспорядками». Руководство подавлением «беспорядков», а точнее партизанского движения, было возложено на Кайгородова. Бои с партизанами не принесли воинской славы прапорщику. Каждый раз он оказывался бит и вынужден был спасаться бегством.

В ночь на 9 декабря остатки колчаковских частей, в их числе и туземный дивизион, спасаясь от красноармейских штыков и партизанских пик, двинулись из Бийска по Чуйскому тракту в Монголию. Среди белого офицерства и тут шла борьба за власть. Сначала командующим объявил себя штабс-капитан Сатунин, известный на Алтае каратель. Он попытался навести порядок и дисциплину среди гонимого страхом войска, но дела его шли туго. Вот что показал на допросе прапорщик Сыромятников (впоследствии адъютант Кайгородова), арестованный в 1923 году:

«Сатунин встретил в лице Кайгородова ярого противника в борьбе за власть и атаманство. Между ними благодаря честолюбию (которое у обоих было развито) пробежала черная кошка. И вот Кайгородов, чтобы не упустить власть из рук, а хотя бы частично удержать ее... собирает в Онгудае съезд из представителей калмыков (алтайцев. — *В. Г.*) и частью русского населения (кто их выбирал, не знаю). Съезд сформировал Горно-Алтайскую управу. Сатунин был утвержден командующим горно-алтайскими отрядами».

Новоиспеченный «командующий» не остался в долгу. Он присвоил Кайгородову звание подъесаула* и назначил командиром Чуйского полка, который еще надо было сформировать.

Между тем среди колчаковских солдат началось разложение, ведь значительная их часть была мобилизована насильно. В середине декабря у Хабаровки учебная команда (400 человек) подняла мятеж, перебила своих офицеров, горами ушла от погони и сдалась в плен 2-му полку партизанской дивизии И. Я. Третьяка. Убегали и многие офицеры. По Сатунин, невзирая ни на какие резоны, решил повести наступление на Онгудай и Улалу. В селе Иня к нему прибыли два делегата от эскадрона георгиевских кавалеров с просьбой отменить бессмысленное наступление и продолжать движение в Монголию. Сатунин для виду согласился, но позже приказал арестовать делегатов, явно намереваясь учинить над ними расправу. Один из арестованных, возмущенный таким вероломством, смертельно ранил Сатунина выстрелом из нагана. Это случилось 4 января 1920 года. Сатунина сменил капитан 2-го ранга Елачич, но вскоре он заболел тифом и 8—9 февраля командующим стал Кайгородов.

В отряде насчитывалось к тому времени около 2200 человек, разделенных на три полка. Состояние отряда было ужасное. Людей косил тиф. Голодные солдаты мародерствовали в редких селах и аилах, ели даже собак, стреляли галок, собирали головы и потроха скота, забитого два-три месяца назад. Многие бежали, рискуя попасть под расстрел или околеть в горах от голода и холода. Сыромятников пишет в своих показаниях, как назначенный Кайгородовым суд приговорил нескольких офицеров к расстрелу за попытку к бегству, а на следующий день в полном составе бежал сам.

В начале апреля в Чибит вступил 234-й Мало-Вишерский стрелковый полк 26-й дивизии. Командир полка, не желая напрасного кровопролития, пригласил Кайгородова для переговоров о сдаче. Тот приехал, но держался вызывающе, «бубнил» о непрочности советской власти и пр. Ему дали время подумать. Вернувшись к себе в Улаган и ничего не сказав солдатам о предложении красных, он повел их в Монголию долиной реки Челушман. Другого пути не было: Кош-Агач заняли красные. С ним двинулось всего 600—700 человек. Шли без дорог, в тридцатиградусный мороз, по очереди пробивая тропу в снегу.

«Продовольствия совершенно не было, — пишет Сыромятников, — ели лошадей. Некоторые, обессилев, бросали оружие... Границу перешли 19 апреля».

ПРИКАЗ УНГЕРНА

Монголы встретили их недружелюбно. В продовольствии отказали. С кучкой приверженцев Кайгородов мыкался по заимкам русских колонистов и монгольским кочевьям. О чем думал этот упрямый человек, сидя холодными весенними вечерами у чужой юрты и мрачно глядя в бескрайнюю каменистую стену? На что надеялся?..

В июне он не утерпел, двинулся с небольшим отрядом из русских и алтайцев знакомой дорогой — долиной Челушмана в Горный Алтай. Разогнал сельсовет в Улагане, захватил сельцо Иня,

---

Подъесаул — офицерский чин в казачьих войсках русской армии. Соответствовал чину штабс-капитана и штабс-ротмистра в регулярных войсках.

сжег паром на Катуни. Группа в 25 человек во главе с алтайцем Василием Штанаковым пыталась атаковать другую переправу через Катунь, но, встреченная пулеметным огнем, разбежалась.

Они нигде не встретили ожидаемой поддержки.

С одиннадцатью единомышленниками (все, что у него осталось) Кайгородов двинулся в Аргутские ущелья — излюбленное место тех, кто был не в ладах с советской властью. Но и там никого не оказалось. Немного отдохнув и подкормившись бараниной у богатого скотовода Кармана Чекуракова, он вернулся в Монголию.

Неудача не остановила Кайгородова. Он развертывает антисоветскую агитацию среди русских колонистов, пишет воззвания к жителям Горного Алтая и отправляет их туда с верными людьми.

Вскоре Кайгородову удается захватить большой гурт скота, закупленный Центросоюзом. С этого времени силы его начали расти. Прослышав, что Унгерн взял Ургу (ныне Улан-Батор), он в свою очередь захватывает Кобдо. Это случилось 3 апреля 1920 года. В мае от Унгерна поступил приказ о всеобщей мобилизации русского мужского населения до 43-летнего возраста. (В Западной Монголии тогда проживало несколько тысяч русских колонистов и беженцев.) Тех, кто уклонялся от мобилизации, расстреливали. За короткий срок Кайгородов сформировал три сотни (а впоследствии и четвертую), команды пулеметную, разведки, госпитальную.

В конце мая в Ургу выехал с докладом его начальник штаба полковник Сокольницкий. Он вернулся через месяц с караваном верблюдов, доставивших от Унгерна 260 винтовок, два пулемета, французскую горную пушку и 400 русских снарядов к ней, 200 вьюков с мануфактурой, чаем и другими товарами.

Прибывший с караваном посланец Унгерна корнет Шегабетдинов привез приказ № 15. Этим приказом Унгерн предписывал начать одновременное наступление: атаману Семенову — со стороны Уссурийского края, генералу Резухину — по Селенге, Казанцеву — в Урянхайский край (Туву), генералу Бакичу — на Семипалатинск, Кайгородову — на Алтай. Сам Унгерн наступал от Урги в Троицко-Саавском направлении.

Своими надеждами Кайгородов поделился в послании к генерал-лейтенанту Бакичу: «При наличии совместной дружной работы обширные монгольские пространства... будут для большевиков тем же, чем была когда-то обширная русская равнина для галлов... Уничтожив обессиленного противника партизанскими налетами, мы на его плечах легко проникнем в Россию, где население, несмотря на всяческие уступки большевиков, подготавливается для того, чтобы сбросить большевистское ярмо. Там повсеместно ведется широкая пропаганда социалистами-революционерами, имеется широкая сеть крестьянских союзов, копию программы которого при сем прилагаю. А Алтай — это неприступная крепость, занятая соединенными силами, явится надежным плацдармом, с которого откроется путь на магистраль (Сибирскую железнодорожную. — *В. Г.*) через Бийск и Барнаул...»

МОНАСТЫРЬ САРУЛЬ-ГУНЬ

Весной 1921 года, по просьбе монгольского Временного народно-революционного правительства и с разрешения Совнаркома, Реввоенсовет 5-й армии, находившийся тогда в Иркутске, направил на Унгерна экспедиционный корпус под командованием бывшего командира енисейских партизан П. Е. Щетинкина, на генерала Бакича — 11-ю кавдивизию, а против Кайгородова и Казанцева (бывшего атамана Енисейского казачьего войска) — небольшой отряд во главе с бывшим политссыльным, активным участником гражданской войны в Сибири К. К. Байкаловым (Некунде). Небольшой потому, что ни в Иркутске, ни в Барнауле даже приблизительно не знали численность войска у Кайгородова и Казанцева.

В Барнауле отряд Байкалова, насчитывавший всего 100 бойцов, пополнился сорока бывшими партизанами. И только в Кош-Агаче, куда он добрался по разоренному войной Чуйскому тракту, Байкалов, наконец, узнал, что у Кайгородова в Кобдо — до 400 человек с четырьмя пулеметами и горным орудием, а у Казанцева — 300, не считая нескольких сотен плохо вооруженных и еще хуже обученных монголов.

Байкалов срочно запросил помощь. Через десять дней в его распоряжение прибыли две роты 185-го полка во главе с комбатом Муликовым (120 человек) и 22-й особый отряд (60 человек). Кроме того, усилиями следовавших при отряде представителей монгольского правительства Хас-Батора и Доржи-Дамба был сформирован красно-монгольский отряд в 130 человек. Но и с этими силами немыслимо было перекрыть все дороги из Монголии на Алтай. Тогда Байкалов принял решение идти в Монголию и ловить Кайгородова там! Казанцев, стоявший в Улясутае, отошел пока на второй план: до него было 800 верст, до Кобдо — 360.

Отряд сбил одну за другой две кайгородовских заставы, обратил в бегство высланную ему навстречу 2-ю сотню, за что взбешенный Кайгородов приказал расстрелять командира сотни. Сам Кайгородов, покинувший к тому времени Кобдо, от решительного боя уклонялся. Гоняться за ним было рискованно: нарвешься на засаду. Поэтому Байкалов решил идти прямо на Кобдо, где находились семьи кайгородовцев и тыловые склады. Расчет оказался верным: Кайгородов сам погнался за ним. Он настиг красных недалеко от устья реки Сагсой. Но врасплох застать их не удалось. Прикрывшись дымными кострами, они спешно долбили окопчики в каменистом грунте. Кайгородов приказал снять с вьюков горнишку — подарок Унгерна. Но пушка была французская, а снаряды к ней — русские, несколько меньшего калибра. Они рассеивались по всей степи, а половина падала и вообще не взрывалась. На красных кайгородовская артиллерия впечатления не произвела: народ у них собрался обстрелянный.

Тогда Кайгородов двинул в атаку свои сотни. Они шли без выстрела, ровным шагом, как на учениях, — брали на испуг. Одна сотня была в белых папахах, другая — в коричневых, третья — в черных... Словом, показали, что не трусы и умеют, если надо, красиво умирать. Но и бойцы Байкалова не дрогнули. Подпустив атакующих на близкое расстояние, они ударили по ним из всех своих пяти пулеметов! Пятью пулеметами в монгольской степи можно шутя скосить дивизию. Кайгородовцы не выдержали... Байкалов двинулся за ними.

По отзыву Байкалова, Кайгородов был не шибко хитер в военном деле. Дальше засады его фантазия не шла. Но поймать на такую удочку многоопытного Байкалова было трудно. Его голо-

вной и боковые дозоры прощупывали каждый камень. Обнаружив засаду, они немедленно начинали брать ее в кольцо, и те, чтоб самим не оказаться в ловушке, удирали со всех ног.

Когда местность позволила, Байкалов резким броском попытался обогнать Кайгородова. Пройдя без единого привала 45 верст, он к утру вышел к южной оконечности озера Толбо-Нур, но... встретил здесь Кайгородова! Выходит, не так уж он был прост.

Тяжелый бой длился весь день. К вечеру Кайгородов отступил и занял монастырь Сарыль-Гунь, в четырех-пяти верстах от озера. Красным пришлось ночевать в поле, под пронизывающим ветром: сентябрь давал о себе знать.

Утром Кайгородов покинул монастырь и ушел в Кобдо. У красных же не осталось сил для немедленного преследования. Они заняли монастырь, чтобы хоть немного обогреться в юртах, отдохнуть, подлатать обмундирование и обувь. Когда на следующий день собрались выступать, в монастырь прискакали два киргиза.

— Беда, бачка! Бакич генерал пришел на Сагсой, белый солдат пришел, уй, мынога солдат!..

Новость была грозной. Значит, 11-я кавдивизия дала Бакичу уйти. У него три тысячи штыков и сабель — вдесятеро больше, чем в отряде. А остаются еще Кайгородов, Казанцев... Отступать? Но далеко ли убежишь в монгольской, ровной как стол, степи?..

На собрании решено было занять круговую оборону тут же, в монастыре, послать донесение и держаться до подхода помощи. Так начался беспримерный 44-дневный поединок маленького красноармейского отряда с многократно превосходящим врагом.

Монастырь находился в центре котловины, окруженной сопками, удаленными от него на полторы-две версты. Он представлял собою квадрат со стороной в 300—320 шагов, в центре которого возвышалась небольшая деревянная кумирня, а вокруг нее в беспорядке стояло более 20 юрт и 15 глинобитных сарайчиков-складов с продовольствием, войлоком и прочим монастырским имуществом.

Первыми на сопках появились кайгородовцы; обнаружив красных в монастыре, подняли радостный крик, решив, что те по оплошности попались в ловушку. Они отогнали к себе часть пасшихся красноармейских лошадей, остальных перебили; отвели в сторону протекавший через монастырь ручеек; к счастью, у монахов оказался еще и колодец.

После наступления темноты из монастыря бежали гуртом все ламы, а с ними и красно-монгольский отряд. Впрочем, это было даже к лучшему: отсеялись лишние рты.

К вечеру третьего дня осады подошли части генерала Бакича, заняв все окрестные сопки. Генерал, ввиду подавляющего превосходства его сил, потребовал от красного отряда сложить оружие, пообещав сохранить жизнь даже коммунистам и комиссарам. Байкалов предложил ему самому сдаться на тех же условиях. А комбат Муликов приложил к его ответу еще и свое личное послание: «Господин генерал, вы пишите, чтобы мы вам сдали оружие, но оружие, господин генерал, не малина, которую сорвал с куста да и съел. Оружие, господин генерал, берется с бою, а вы, наверно, разучились или не научились воевать с красными войсками. Ходит старый волк по сопкам и смотрит, когда у лошади отпадет губа. Эх, кабы у волка были острые зубы, а кобыла не так остро кована! Бросьте, господин генерал, играть комедию, как бы вам не играть потом трагедию. Если вам жизнь не дорога, то пощадите жизнь обманутых вами людей и их семей, дайте им возможность перейти к нам и жить спокойно в Республике рабочих и крестьян».

Оскорбленный генерал решил наказать красных. Под утро котловина наполнилась треском стрельбы и топотом тысяч ног. Бакичевцы, уверенные в своем превосходстве, перли скопом. Это их и погубило. Когда они ворвались в монастырь, возникла страшная неразбериха. В темноте невозможно было определить, где свои, где чужие: одежда у тех и других давно была полумонгольская. Воспользовавшись этим, Байкалов снял с позиции лучший взвод под командой своего брата, тот спокойно подошел к осаждавшим на 10—15 шагов и забросал их гранатами. Уцелевшие бросились бежать, вслед им заработали красноармейские пулеметы...

Вскоре от пленных стало известно, что Кайгородов рассорился с Бакичем из-за этого нелепого штурма, приведшего к гибели многих его людей, и ушел с отрядом в Горный Алтай.

На 44-й день на выручку осажденным, испытавшим к тому времени все муки голода и холода, подоспел 185-й полк...

ПОКАЗАНИЯ ФЕДОСА ТЫРЫШКИНА

В марте 1921 года продразверстка, к радости крестьян, была заменена продналогом. Но летом страшная засуха обрушилась на Поволжье и ряд других районов страны. В такой обстановке правительство вынуждено было увеличить размер продналога в губерниях, не пострадавших от засухи. Так, если в среднем по России он составлял 12—15 процентов валового сбора, то на Алтае — 37! И такой налог губерния выполнила, причем первой в Сибири. Не отстал и Горный Алтай. Он был даже занесен на Красную доску в губисполкоме. Но значительная часть крестьянских хозяйств оказалась разоренной. Вот что докладывал на уездной партконференции райинструктор Васильев:

«Продналог выкачал все. Многие продавали свое имущество и за хлебом в продналог ехали за 200—300 верст, многие отправлялись на заработки и т. д. В Паспаульской и Имеринской волостях 90 процентов населения буквально голодают...»

Сбор продналога сопровождался массовым произволом и насилиями над крестьянами, что нередко толкало их в ряды мятежников. Вот, для примера, как оказался «главарем банды» председатель Белоануйского сельсовета, бывший партизан Федос Тырышкин. Почитаем его показания на следствии.

«ВОПРОС. Скажите, когда вы сформировали свой отряд, при каких обстоятельствах, сколько времени существовал ваш отряд, где оперировал, из кого состоял?

ОТВЕТ. Отряд сформировался в конце июня 1921 года. До марта 1921 года я жил дома в селе Белый Ануй, занимал должность председателя Белоануйского сельисполкома. В марте к нам приехал волиспектор по продразверстке, спросил меня, как председателя, как обстоит дело с продразверсткой, на что я ему ответил, что продразверстка закончена, осталось отправить сено.

В этот же вечер он вместе с ячейкой сделал собрание, после собрания мне был предъявлен арест. Но обвинения мне предъявлено никакого

не было. Я слышал, что арестованных сильно избивают, испугался, что меня будут бить, оседлал коня и уехал в горы, хотя вины за собой никакой не знал.

В горах проживал до сформирования своего отряда. Первое оружие взял у знакомого калмыка — винтовку и 60 патронов. В конце июня ко мне присоединилось четыре человека из нашего села и три из Тоурака, бежавших от советской власти. После прибыло еще два человека, бежавших из тюрьмы. Оружия ни у кого не было. В дальнейшем прибыло 18 калмыков — остатки колчаковского войска, которые раньше скрывались в горах. Вооружены они были, за исключением одного, винтовками, патронов у каждого — 30—60. В половине июля в отряде стало человек 30, винтовок — 18. Адъютантом у меня сразу был некий Мотырев — чей, откуда, я не знаю, он не сказывал. Мотырев человек до некоторой степени был с образованием, и он начал вдохновлять банду.

После сформирования отряд по предложению Мотырева и во главе меня двинулся на Усть-Кан. Туда вошли без боя, выставили заставу. В это время один коммунист убил одного калмыка из заставы, после чего этот коммунист был убит. Ячейка разбежалась. В Усть-Кане была заготконтора, из каковой по моему приказанию было взято: муки пудов 10, два куля пшена, соли, чаю кирпичей 30, мануфактуры не помню сколько аршин. После этого уехали.

Через некоторое время поехали на Чуйский тракт. По пути я остановился с отрядом на привал, от дороги за версту. Откуда и увидели, что идет полк красных (185-й). Он прошел колоннами мимо нас, но нас не заметил. Когда полк ушел верст на 10, я с отрядом стал переходить на другое место. Увидали обоз. Сделали засаду и захватили его целиком. Боя большого не было, лишь небольшая перестрелка продолжалась не более пяти минут. Было захвачено 120 подвод с продовольствием, оружием, патронами и гранатами: винтовок — 420, патронов — около 60 тысяч, гранат — 18 ящиков. Красноармейцев взято человек 60. Все оружие увезли в горы и спрятали, красноармейцев отпустили. Во время боя их было убито 4, ранено 5.

После этого я пошел через белки в деревню Хабаровку. Там мне сообщил один крестьянин, что идут красные. Мы сделали засаду. Рота красных была взята в плен целиком, 104 человека. Во время боя убито 5 красноармейцев, ранено 6. Пленные были оставлены в той же деревне, а оружие и патроны у них взяты.

(Надо ли пояснять, почему красноармейцы так охотно сдавались повстанцам в плен?)

ВОПРОС. Скажите, что делали с пленными красноармейцами, а также коммунистами?

ОТВЕТ. Красноармейцев обезоруживали и отправляли обратно, коммунистов — точно так же. Расстрелов не производили...»

На этом пока остановимся.

Так за что же арестовали Федоса Тырышкина? Что вынудило этого немолодого уже и вроде бы уважаемого на селе человека, отца троих детей, бросить семью, хозяйство, бежать в горы и в конце концов стать «бандитом»? Уголовное дело ответа на этот вопрос не дает. Спросить не у кого. Остается предположить, что арестовали его в порядке борьбы с кулацким элементом. Старый Исай Тырышкин и трое его сыновей (в их числе Федос) жили одной семьей, состоявшей из 11 душ, засевали 13 десятин пашни, держали 22 лошади, 35 коров, 35 овец. Наемных работников у них не было, обходились своими силами. Надо сказать, что таких крепких семей в то время было немало на Алтае среди старожилов. В годы раскулачивания их все порушили.

Возможно, у кого-то вызовут недоверие показания Тырышкина о гуманном обращении с пленными красноармейцами. Но так было на самом деле, и не только у Тырышкина, а и у Карман Чекуракова, Семенека, Пьянкова. В те годы губчека и другие советские органы тщательно фиксировали каждый факт расправы мятежников с партийными, советскими работниками, пленными, широко использовали эти факты в агитационной работе. Будь на Тырышкине кровь хоть одного безоружного человека, это обязательно всплыло бы на суде. И приговор был бы другим. (Тырышкин получил восемь лет условно.)

Вслед за выступлением Тырышкина возникают отряды Пьянкова в Ануйско-Куяганском районе, Семенека и Кучукова на Чемале, Тужлея на Чуйском тракте. К осени на Чуйском тракте их действовало уже одиннадцать, общей численностью около трех тысяч человек.

Нужен был руководитель, способный всех объединить. Часть крестьян склонна была возлагать надежды на Кайгородова: вот придет он и отменит ненавистный продналог, который ничем не лучше продразверстки, не даст мужика в обиду тем, кто хочет пустить его по миру, восстановит настоящую советскую власть.

Во время осады монастыря Саруль-Гунь к нему прибыли из Онгудая три гонца:

— Иди к нам. Народ ждет тебя.

Кайгородов понял: час его настал...

СХОД В ЧЕРНОМ АНУЕ

27 сентября 1921 года «русско-инородческий» отряд Кайгородова попытался взять Кош-Агач, но был отбит и потерял 45 человек. Неудача у первого же пограничного сельца удручающе подействовала на бойцов. Они стали разбегаться. В отряде осталось немногим более двухсот человек — половина тех, кто вышел из Монголии.

— Кош-Агач — не главное, — заявил Кайгородов. — Обойдем его.

Но при обходе отряд попал в болото. Лошади, выбившись из сил, ложились. Продовольствие и фураж кончились. Лишь 19 октября добрались до урочища Можой. Здесь к ним присоединился Карман Чекураков с отрядом в 70—80 человек. Кайгородов повеселел:

— Есть все же повстанцы в Советской России!

24 октября объединенный отряд попытался взять Чибит, но, потеряв 10 человек, ни с чем вернулся в Можой. Однако через пять дней он внезапным налетом захватил Белый Бом, взяв в плен 40 оборонявших его красноармейцев. (Их, обезоружив, отпустили.)

Весть об этой победе усилиями Кайгородова, вместе с его воззваниями, разнеслась по всему Горному Алтаю. «Настало время, — говорилось в одном из них, — отомстить коммунистам за невинную кровь, настало время свергнуть иго коммунистов, настало время восстановить право трудового народа свободно трудиться и по своему усмотрению пользоваться продуктами своего труда».

А вот что писал он жителям своего родного села Катанды:

«Братцы! Просим вас присоединиться к по-

встанческим отрядам, которые идут за освобождение народа от ига и насилия большевиков, за собственный труд крестьян, за свободную торговлю, за Учредительное собрание. Призываю вас, братцы, свергать коммунистическую власть! Братцы, я, командующий войсками подъесаул Кайгородов, находился за границей два года. Я не желаю проливать братскую кровь и прошу вас присоединиться ко мне. Коммунистов прошу сложить оружие и тоже прийти ко мне. Весь Чуйский тракт занят мною, только в Ине стоит 100 человек советских войск, которые окружены со всех сторон и не сегодня завтра сдадутся. После этого весь народ восстанет против коммунистов, и советской власти все равно не устоять. У меня войск 2000 человек, у Бакича — 15000, которые все идут Чуйским трактом освобождать народ от ига коммунизма. Долой коммунистов, да здравствует Учредительное собрание!»

По правде сказать, прихвастнул Кайгородов перед земляками; водился, видно, за ним такой грех. Ни у него, ни у Бакича столько войск не было, да и не мог Бакич идти на Алтай: после позорного поражения у монастыря Саруль-Гунь он был обречен. Заявляя, что «весь» Чуйский тракт занят им, Кайгородов очень сильно преувеличивал; взять «окруженную со всех сторон» Иню он тоже не смог и, перевалив хребет Сальджар, вышел к средней переправе через Катунь, у бома Коркечу. Здесь ему повезло больше: присоединился отряд Тырышкина, правда, изрядно потрепанный красными, следом подошли небольшие отряды Семенека и Тужлея.

Возглавив командование, Кайгородов направил Кармана Чекуракова к Белому Бому, Семенека — на Чемал раздувать пламя восстания, а сам с Тырышкиным и Тужлеем (около 400 человек) двинулся на Онгудай. Но по дороге узнал, что в Онгудае — до двух полков красных. Такая добыча была ему не по зубам, он свернул на Туэкту, захватил красноармейский обоз с мукой, сахаром, овсом, затем, оставив Тужлея на Чуйском тракте для прикрытия, направился в Ануйский район. Морозным ноябрьским утром его отряд вступил в село Черный Ануй.

По воспоминаниям бывшего председателя Куяганского волпарткома И. Н. Кудрявцева, кайгородовцы начали с того, что сожгли бумаги в волисполкоме, выгребли из кооперативной лавки все, что там было: муку, соль, мед, мануфактуру; часть кинулась искать коммунистов (кто-то сообщил их фамилии), но успели поймать лишь одну из них, Попкову; ее прогнали через село и зарубили у поскотины. Группа конных с гиканьем понеслась по улицам, скликая людей на сход.

Все это не могло понравиться черноануйцам, тем более, что среди них было немало бывших партизан. В свое время они не раз колотили карателей Кайгородова, а теперь — вон как жизнь повернулась — он стал их заступником.

Когда сход был собран, Кайгородов поднялся на бричку, выпрямился во весь свой высокий рост, сдвинул набекрень белую мерлушковую папаху, рукою в вязаной перчатке провел по черным, от уха до уха, усам. Вид у него, особенно на фоне серой мужицкой толпы, был молодецкий: длинная шуба, крытая синей далембой и подпоясанная синим же шарфом с кистями, на одном боку — богатая сабля, на другом — маузер в деревянной кобуре, на крутой груди — бинокль. Долгим испытующим взглядом из-под густых черных бровей обвел он хмурые, недобрые лица мужиков; лишь немногие, и то как бы с опаской, поглядывают с доверием, надеждой. Нет, не все ждали его возвращения в Горный Алтай. Не весь народ звал.

Он вскинул руку с витой плеткой, требуя тишины, и заговорил, явно стараясь смягчить загрубевший на горных ветрах голос.

— Братцы! Кучка коммунистов и комиссаров довела народ до голода, нищеты и разрухи. Они виновники затянувшейся братоубийственной войны! Они выгребают ваш хлеб, а взамен ничего не дают. Правда, теперь они сулят свободную торговлю, амнистию и прочие поблажки. Не верьте им, братцы! Вступайте в нашу освободительную армию! Мы боремся за истинную свободу без коммунистов и комиссаров, за независимость алтайцев! За мной следом идет из Монголии большое войско. Только обозы тянутся на сорок верст!

При последних словах кто-то хмыкнул насмешливо. Кайгородов, поняв, что сморозил глупость, с досадой крякнул, повысил голос:

— Дружным напором сметем большевистскую тиранию! Да здравствует Учредительное собрание и освобождение русского и алтайского народов от ига коммунистов!

В давящей тишине раздался чей-то одинокий голос:

— Нашему заступнику и освободителю — ура!

«Ура» получилось до смешного жиденьким, и темное лицо Кайгородова стало еще мрачнее.

Из всего села в отряд вступило лишь пять человек. В Топольном и Туманове повезло больше: они дали около ста человек пополнения. Кстати, далеко не все из них были кулаки. Но в Александровке и Демине ни один человек не пожелал присоединиться к Кайгородову...

ОДИНОКИЙ ВСАДНИК

7 ноября Кайгородов занял Тоурак. Нигде не встречая серьезного сопротивления, он позабыл осторожность. Повстанцы (их число возросло до двух тысяч человек) разбрелись по дворам, где уже топились баньки и готовилось угощение с самогоном. А когда солнце покатилось на закат, за околицей вдруг затрещали пулеметы. Вслед за ними на улицах, запруженных подвыпившими людьми, лошадьми, подводами, начали рваться снаряды. То подошли отряды командира 186-го полка Злецова-Маговца (четыре роты при двух горных орудиях) и помощника командира того же полка Солодова (три эскадрона 58-го кавполка и две роты 1-го Алтайского пехотного коммунистического полка).

Как рассказывали позже пленные, особого страху нагнала на них артиллерия. Повстанцы в беспорядке бежали в Катанду, но были выбиты оттуда ночной атакой красных. Кайгородов повел наступление на Барагаш, но оно сорвалось: почти не осталось патронов. Отряд таял на глазах. «Среди лиц, вышедших с нами из Монголии, — вспоминал Сыромятников, — усилилась тяга домой».

Эта «тяга» у военных называется другим словом: дезертирство. И усилилось оно не потому, что повстанцы соскучились по дому. Они начали терять веру в успех.

По словам Сыромятникова, Кайгородов, чтобы поддержать боевой дух своего войска, всем объявлял, что на помощь ему идут из Монголии генерал Бакич и полковник Сокольницкий (его начальник штаба). Ему мало кто верил. Знал ли он, что Бакич уже разбит, а вероломный полков-

ник Сокольницкий, погрузив на верблюдов наиболее ценное имущество отряда, оставшееся в Кобдо, ушел с группой офицеров в Китай? Знал ли он, что во всей Сибири, за исключением Горного Алтая, «политический бандитизм» по существу уже сокрушен, а стало быть, и его карта бита?..

Вероятно, знал.

«Кайгородов сник, — писал в своих показаниях Сыромятников. — Много пил...» Пить-то пил, но упрямо гнул свое. После безуспешной попытки овладеть Барагашем ему вздумалось заняться реорганизацией отряда. Вероятно, надеялся таким способом подтянуть дисциплину. Вот как показал об этом на допросе Тырышкин:

«...Отошли от Верх-Белоануя, где стали формироваться. Кайгородов назвал себя главнокомандующим, командиром 1-го полка не помню кого, меня — командиром 2-го, Стародубцева — командиром бригады... Но командиром полка я не был ни одного дня; когда бригада ночью выступила на Усть-Кан и Уймон, я подговорил своих 50 человек и ушел в горы, не желая подчиняться Кайгородову».

Всего при выходе из Верх-Белоануя, по словам Сыромятникова, «отстало» 150 человек. Осталось 300...

12 ноября Кайгородов занял Усть-Кан, но в тот же день был выбит оттуда отрядом Злецова-Маговца и покатился на Уймон.

«В Усть-Коксе дважды нападали партизаны, — читаем в показаниях Сыромятникова. — Мы потеряли 10—12 человек».

На самом деле это были не партизаны, а уймонские коммунисты и милиционеры во главе с начальником 5-го района милиции Горно-Алтайского уезда А. В. Черновым. За этот бой он первым из работников милиции Алтая был награжден орденом Красного Знамени.

Выбитый из Усть-Коксы, Кайгородов был вскоре вновь настигнут отрядом Злецова-Маговца, но сумел оторваться и бежать в Катанду. Красноармейцы не могли продолжать преследование. Начались морозы, бураны, а они были раздеты и разуты.

По приказу командования эскадрон 59-го полка, действовавший на Чуйском тракте, прошел от Усть-Ини берегом Катуни на Уймон и в начале декабря навязал Кайгородову бой у Катанды. У того осталось к тому времени не более 30 человек. Разделившись на две группы, они пустились наутек: сопротивляться было бессмысленно. Уходя от погони, Кайгородов повернул коня к Катуни. Понуждаемый плетью, всхрапывая и приседая, тот осторожно двинулся по грозно потрескивающему льду на другой берег. Ни один из спутников Кайгородова не рискнул последовать за ним. Они предпочли сдаться.

Красноармейцы, подскакав к берегу, с седел открыли огонь по удалявшемуся одинокому всаднику, но тот, ни разу не оглянувшись, скрылся за прибрежной скалой.

Так закончился первый поход Кайгородова...

ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

В октябре-ноябре 1921 года «политический бандитизм» в Горном Алтае достиг наибольшего размаха. «Было время, — вспоминал секретарь укома РКП(б) Л. А. Папардэ, — когда из всего уезда оставались свободными от банд не более шести волостей (всего их было 25. — *В. Г.*). Днем проводим партийно-советскую работу, а ночь — под ружьем: банды в пяти-шести верстах. Уездный комитет превратился в политштаб по борьбе с бандитизмом».

Об этом же говорится в одном из донесений Куяганского волпарткома: «Редкий день проходит, чтобы не было столкновений самоохраны и партячеек с бандами. Волпартком все время представляет из себя военный штаб. На партийную работу остается лишь часть времени...»

На митингах, беспартийных конференциях, в листовках и воззваниях, которыми засыпан был Горный Алтай, в общем-то правдиво рассказывалось о небывалых трудностях, переживаемых страной. Продовольственная политика правительства вызвана разрухой и голодом в Поволжье. Продналог — это вклад трудящегося крестьянина в дело победы своей, народной революции. Придет время — он окупится сторицей.

«Требовать с Советской России, — говорилось в одной из листовок Сибревкома, — теперь же товары за хлеб так же неразумно, как требовать с младенца деньги за молоко матери. Вырастет младенец — и сам будет кормить мать».

Особое внимание уделялось разъяснению национальной политики советской власти. В декабре 1921 года губисполкомом была создана и приступила к работе комиссия по подготовке к образованию Ойротской автономной области. Тогда же Сибревком объявил амнистию всем, кто добровольно сложит оружие. За один лишь месяц спустилось с гор и сдалось до 500 человек — больше, чем за это же время было убито в боях и взято в плен.

Были приняты и военные меры. В октябре 1921 года 185-й и 186-й полки 62-й бригады 21-й Пермской стрелковой дивизии, 58-й и 59-й полки 10-й кавдивизии были объединены в Горно-Алтайскую группу войск под командованием комбрига-62 А. К. Галлинга. Для ее усиления прибыл из Барнаула 3-й Сибирский сводный отряд ВЧК в составе пехотного батальона и кавалерийского эскадрона; из Бийска в район Улалы были переброшены 55-й кавполк, два батальона 184-го полка и школа младших командиров 21-й дивизии.

Были отмобилизованы части особого назначения. Под ружье встало от 50 до 80, а в Горном Алтае — даже до 90 процентов коммунистов. Целыми организациями вливались в ЧОН и комсомольцы.

Вся эта войнская громада многократно превосходила по численности, а тем более по вооружению силы повстанцев. Однако, благодаря поддержке населения или, скажем, части населения, они сумели продержаться еще почти год!..

ВТОРОЙ ПОХОД КАЙГОРОДОВА

Загнанному в Аргутские ущелья Кайгородову вначале пришлось туго. Зима стояла суровая, а немногочисленные алтайцы откочевали куда-то, негде было разжиться ни продовольствием, ни одеждой. Но понемногу стали собираться сторонники. Пришли не раз выручавшие братья Карман и Товар Чекураковы с небольшими отрядами; из Монголии пробралось несколько десятков обмороженных солдат и офицеров из переставшего существовать корпуса генерала Бакича. Стали наведываться верные люди из Тюнгура и Катанды, ходившие якобы на охоту. Они рассказали, что поставленная в Катанду 7-я рота 186-го полка для недопущения его, Кайгородова, на Уймон, службу несет спустя рукава, посты вы-

ставляет лишь вокруг села, обойти их — раз плюнуть. Красноармейское начальство — комбат Туманов и ротный Тареев охочи до самогонки.

Дошла до Кайгородова радостная весть и о том, что в районе Телецкого озера у его старинного дружка еще по туземному дивизиону Василия Штанакова начались большие дела. Его отряд вырос до 800 человек. Прислал письмо Ларион Колесников, оперировавший с декабря прошлого года в Ануйском районе. Он сообщал, что ведет успешные действия у Белого и Черного Ануя, не дает коммунистам вывозить хлеб, отряд его растет. Зашевелился и Тырышкин после осенней трепки. Не попытать ли снова удачи?..

К концу января у Кайгородова в Аргуте собралось 130 алтайцев и 80 русских. Наименовав алтайцев «Чуйским полком», а русский отряд — «1-м полком 2-й народной дивизии», он покинул Аргут и на рассвете 5 февраля подошел к Катанде. Верные люди вышли навстречу, указали расположение красноармейских постов, склада с оружием и боеприпасами, штаба, домов, где квартировали красноармейцы. Два взвода вместе с комбатом Тумановым и командиром роты Тареевым были взяты без выстрела. Лишь одному взводу, находившемуся в ту ночь в охранении, удалось бежать. За ним гнались до самой Усть-Коксы, но так и не догнали.

В руки Кайгородова, бедствовавшего с оружием, попала ценнейшая добыча: два станковых пулемета, до сотни винтовок, 25 тысяч патронов!.. Пленных красноармейцев он роздал в батраки уймонским крестьянам, а комбата Туманова возил зачем-то с собой — в обозе, на отдельной подводе; он погиб от случайной пули где-то под Усть-Каном...

Путь в охваченный восстанием Ануйско-Куяганский район был открыт, и Кайгородов не стал терять времени. Он двинулся по Уймонскому тракту на север. Но дела его с самого начала пошли хуже, чем он ожидал. Как ни горько было признавать, но мужики за время его аргутского сидения заметно «покраснели». Не стало у них прежней веры ни в Кайгородова, ни в прочих народных заступников. Не под силу им свалить коммунистов. Вон какие генералы-адмиралы ходили на них походом, а что вышло?..

Невмоготу стало мужику затянувшееся кровопролитие. Вот опять весна на носу, а неизвестно, что готовить: плуг или берданку? Зима прошла — никто в тайге не был. Сунешься туда — или лошадь отберут, или самому голову отвернут. А ведь она, матушка, тоже кормит и одевает. Дня спокойно не проживешь — то мобилизация, то реквизиция, пропади оно все пропадом. Кто ни придет — дай!.. Нет, видно, кончать надобно заваруху, пока голова цела, да за работу браться, за хозяйство...

Таким настроениям немало способствовало то, что в Горном Алтае и прилегающих районах к тому времени было приостановлено взимание продналога, снова объявлена амнистия всем, кто добровольно сложит оружие, одновременно усилена карательная политика. Коммунисты даром время не теряли.

На добровольцев рассчитывать уже не приходилось, пришлось объявить мобилизацию. Но и она шла туго. Талицкий сельсовет так, например, ответил командиру повстанческого полка, приславшему приказ о мобилизации: «Население села Талицы Усть-Канской волости не желает присоединяться к вышеуказанному полку, а также к мобилизации. Таковой быть не может. Что и удостоверяем».

Вот так...

По словам Сыромятникова, «уклончиво» отнеслись к мобилизации и крестьяне чарышских сел, часть их просто разбежалась. Глядя на них, стали дезертировать и мобилизованные уймонцы.

«Кайгородов снова увидел, — пишет Сыромятников, — что он старается пробить лбом каменную стену, которая очень мало подается, а страдает только его лоб».

И все же на первых порах повстанцам удалось провести несколько удачных операций. Вот выдержка из штабной сводки:

«20 февраля 1922 г. Партизанским отрядом Кармана Чекуракова в селе Туэкта обезоружены остатки 4-й роты 185-го советского полка. Взято в плен 85 человек, 60 винтовок, патроны.

24 февраля. 6-я рота 185-го советского полка при поддержке коммунистов повела наступление на Усть-Кан. После 2,5-часового боя рота бежала, оставив в руках 4-го повстанческого полка 26 красноармейцев.

26 февраля. Отдельной Чуйской партизанской группой Товара Чекуракова разбит и уничтожен близ пос. Купчегень батальон 185-го советского полка в составе 1, 2, 3 рот. Убит командир батальона, помощник командира 185-го полка Токаренко, два командира роты, 83 красноармейца, 25 ранены, 240 захвачены в плен. Взято более 200 винтовок, 3 пулемета «Максим», 55 тысяч патронов, 2 телефонных аппарата, обоз с продуктами, 19 саней и 16 вьючных верблюдов"

Сам Кайгородов сумел, избегая боев с крупными силами красных, выйти в верховья Чарыша, к Сентелеку, и соединиться с Колесниковым. Но через два дня, 21 февраля, 3-й особого назначения Бийский кавдивизион под командованием Дмитрия Минакова выбил их из Сентелека и погнал вниз по Чарышу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КАЙГОРОДОВА

Долгие годы Кайгородов изображался как заурядный бандит, стремившийся лишь убивать да грабить. А у него была, оказывается, политическая программа. Копию ее, заверенную ответственным работником ГПУ, мне удалось найти в бывшем краевом партархиве. Надеюсь, читателю будет небезынтересно познакомиться с этим документом.

«Общие положения

Все завоевания революции должны остаться неприкосновенными и закреплены основными законами; подлежат устранению только крайности и исключительные положения революционного времени, чтобы дать всему населению возможность свободно трудиться и пользоваться продуктами своего труда.

Организация власти

Центральная и местная власть организуются по принципам прямого, тайного, всеобщего и равного избирательного права. Единственным требованием к избирателю должно явиться его участие в трудовой жизни народа в качестве умс-

твенного и физического рабочего. Вся власть без исключения ответственна за свои действия перед народом.

Область хозяйственной деятельности

В хозяйственной деятельности должен быть провозглашен принцип: свободный труд, свободное пользование и обмен продуктами своего труда. Насильственное проведение государственной властью принципов коммунизма должно быть отменено как в области производства, так и потребления. Развитие и расширение кооперативов представляет важную государственную задачу. В крупных областях промышленности и торговли, в которых представляется возможным и годным для народного хозяйства, проводится принцип обобществления. В тех областях промышленности и торговли, где будет сохранена частная деятельность, предпринимательская прибыль должна быть ограничена государственной властью. Законом должны быть обеспечены каждому рабочему необходимый минимум зарплаты и соцобеспечение на случай безработицы, старости и болезни.

Все земли, находившиеся после революции фактически в руках крестьянства, остаются в его неотъемлемом пользовании; все же остальные свободные земли, не занятые крестьянством, как-то: помещичьи, казенные, удельные, кабинетские и др., составляют национальную собственность и служат источником для наделения землею каждого желающего заняться земледельческим трудом.

Все леса, кроме надельных, и богатства недр земли составляют национальную собственность.

Народное образование

В стране должно быть установлено всеобщее обязательное народное образование. В школе проводится принцип трудовой системы и обязательное преподавание технических знаний и ремесел.

Лицам, наиболее способным, государство по принципу обязательности дает высшее образование. Все культпросветорганизации сохраняются и расширяются.

Военное дело

Армия служит только для внешней обороны, комплектуется по территориальной системе. Солдат служит в округе своего постоянного местожительства.

Заключение

Стоя за отмену крайностей и исключительных положений революционного времени, мы признаем необходимостью отмену смертной казни и наказаний бывшим политическим противникам.

Пресекаться, наказываться могут лишь новые посягательства на народную свободу. Считаем необходимым, что борьба должна пойти по линии примирения. Обращение к оружию является лишь как печальная необходимость при упорстве противника и для самозащиты».

Когда и как появилась эта программа, кто ее конкретный автор, установить не удалось.

Если смотреть непредвзято, согласитесь, в программе есть положения, созвучные тем, к которым мы пришли только теперь, через долгий и горький опыт, — ну, например, о земле, кооперативах, соотношении частной и государственной собственности... Наверно, теперь уже по-другому следует оценить и отрицательное отношение Кайгородова к «насильственному проведению государственной властью принципов коммунизма» и другим «крайностям революционного времени».

ХИМИК ИЗ ЖЕНЕВЫ

Когда в феврале 1922 года под контролем Кайгородова оказались Уймон и часть Ануйско-Куяганского района, он сделал попытку провести свою политическую программу в жизнь. По его указанию в Усть-Коксе состоялся съезд выборщиков, образовавший «временное районное управление». Этому управлению штаб Кайгородова и передал, как говорилось в распоряжении, «всю полноту гражданской власти на освобожденной территории».

Председателем управления, по предложению Кайгородова, был избран Павел Андреевич Андреев, фактически его пленный.

Судьба этого человека необычна, и о нем, пожалуй, стоит немного рассказать. Выпускник Московского университета, он в начале века из-за преследований за политическую деятельность вынужден был эмигрировать. За границей вошел в состав группы «Новая жизнь», близкой к меньшевикам. Закончил Женевский университет (в придачу к Московскому), работал инженером-химиком в Швейцарии, Франции, Англии. С началом первой мировой войны вернулся в Россию, но был сразу же арестован и сослан на Урал. Освобожденный февральской революцией, отправился добровольцем на фронт. Уволенный вскоре по возрасту и здоровью, он в апреле 1918 года перебрался из голодной Москвы в Бийск. Здесь служил заведующим отделами внешкольного образования, затем социального обеспечения в Бийском земстве.

В мрачную пору колчаковщины совесть свою ничем не замарал. Скорее, наоборот. По письменному свидетельству известного участника бийского большевистского подполья А. И. Перевалова, он с риском для жизни укрывал у себя в разное время подпольщиков А. И. Попова, З. В. Печеркину, Г. С. Шацкого, О. Я. Березовскую... Колчака, по словам Перевалова, терпеть не мог. По натуре был человеком отзывчивым, бескорыстным, готовым отдать первому нуждающемуся все, что имел. Только ничего почти не было у этого одинокого сорокалетнего, с плохим здоровьем бессребреника...

Свою принадлежность к меньшевикам он не скрывал, хотя в то время в Бийске уже и парторганизации меньшевиков не было. Не скрывал и того, что не верит в победу социализма в такой экономически отсталой и малокультурной стране, как Россия. Однако выразил желание сотрудничать с Советами. Походный Сибревком после изгнания колчаковцев счел возможным назначить Андреева председателем Бийского уездного совнархоза. Но вскоре по состоянию здоровья он был переведен заведующим химлабораторией, затем вообще освобожден от трудовой повинности.

В августе 1921 года, по приглашению бывшего своего подчиненного — химлаборанта Николая Капшталь, выехал для поправки здоровья в село Суазар Абайской волости, где Капшталь

возглавлял маленькую, из четырех человек, артель, занимавшуюся изучением местных дубителей. И тут в жизни Андреева начались приключения. В сентябре вся артель по приказу командира 186-го полка Д. П. Злецова-Маговца была арестована по подозрению в шпионаже и эсеровской пропаганде.

К слову сказать, Злецов-Маговец вскоре был снят с должности за превышение власти. Человек жестокий, он рубил налево и направо, подозревая в каждом встречном, особенно алтайце, «бандита». Одну старушку-алтайку застрелил за то, что не показала ему дорогу. Позже выяснилось, что она ни слова не понимала по-русски. Массовые аресты алтайцев, учиненные по его приказу на Уймоне, вынудили многих из них бежать к Карману Чекуракову.

Два милиционера, конвоировавшие Андреева из Суазара в село Алтайское, встретившись с разведчиками Тырышкина, бежали. Андреев в качестве пленного был доставлен к Тырышкину. От него вскоре был передан Кайгородову. Там и там оружие взять в руки категорически отказался; служил некоторое время ротным писарем, а больше отлеживался: суровая походная жизнь была не для его здоровья. Вместе с Кайгородовым оказался в ущельях Аргута.

Повстанцы, чтобы не околеть на морозе, спешно строили землянки, каждая пара рук была на счету, и Андреев, не умевший управляться даже с лопатой, уважения у них, мягко скажем, не вызывал. Кайгородов, сам таскавший бревна и долбивший мерзлую землю, тоже не стеснялся в выражениях в адрес хилого интеллигента, свалившегося на его голову. Но сменил тон, узнав, что его необычный пленный имеет два университетских диплома, пожил за границей, меньшевик, а главное — знаком с земской работой. Выступив в поход, он предложил ему «наладить в Уймонском районе порядок и насколько возможно политическую жизнь», другими словами — возглавить гражданскую власть.

Андреев вначале отказался. О какой совместной работе может идти речь с человеком, который столько раз публично оскорблял его? Но, подумав, согласился, чтобы предотвратить, как объяснял потом на суде, «разгул военщины и расправы с политическими заключенными».

Прибыв в Усть-Коксу, Андреев опротестовал прошедшие выборы, найдя их недостаточно демократичными: со всего края был лишь 21 выборщик. Ему пошли навстречу, собрали 130 выборщиков (по одному от ста человек населения), но председателем выбрали опять же Андреева, хотя он и пытался снова отказываться.

«Временное районное управление», по словам автора книги «Ойротия» П. Я. Гордиенко (Новосибирск, 1931), состояло в основном из эсеров и меньшевиков с примесью махровых черносотенцев. Так это или не так, проверить не удалось. Фактически «управление» было не более чем административно-хозяйственным придатком штаба Кайгородова; главной его задачей являлось обеспечение повстанцев продовольствием и средствами передвижения. Оно ведало также содержанием военнопленных, рассылкой военно-оперативных сводок, учетом и распределением кооперативных товаров, собранного в счет продналога хлеба.

Андреев пытался ввести в рамки законности порядок проведения обысков (запретил делать их ночью), арестов, содержания под стражей, выступил за отмену смертной казни. На суде он не без гордости заявил, что в их «кодексе» высшей мерой наказания было десять лет заключения.

Андреев не боялся перечить и Кайгородову. Когда тот однажды потребовал провести реквизицию лошадей для отряда Колесникова, Андреев, по словам Сыромятникова, ответил:

— С вола семь шкур не дерут.

Лошадей собрали путем добровольных пожертвований.

Командирам повстанческих отрядов, в отличие от Кайгородова, невесть откуда взявшийся председатель с его «демократией» пришелся явно не по вкусу. Колесников взялся наводить справки, не шпион ли он, а Товар Чекураков, ворвавшись однажды в «райуправление», пригрозил их всех вырезать, как гнездо шпионов и коммунистов. Строптивый Андреев в ответ на эту угрозу объявил о созыве нового съезда выборщиков, на котором собирался поставить вопрос: «Кто хозяин в районе?» Но сделать это не успел: Уймон заняли красные.

Уйти с Кайгородовым он наотрез отказался, был отпущен, и в мае вместе с товарищем по странствиям Николаем Капшталем сдался в Усть-Коксе командиру эскадрона ЧОН Алексею Хивинцеву.

Алтайский губревтрибунал нашел, что действия Андреева не причинили особого вреда советской власти и, учитывая, что к повстанцам он попал не по своей воле и сдался добровольно, оправдал его. Так закончилась «одиссея» этого подневольного и кратковременного спутника Кайгородова. К сожалению, я не смог ничего узнать о дальнейшей судьбе этого чем-то симпатичного мне человека. В одном уверен: 1937 год пережить ему не удалось...

«НЕ КОПАЯСЬ В СТАТЬЯХ ЗАКОНОВ...»

В начале 1922 года были резко ужесточены карательные меры против повстанцев. В докладе на 6-й губпартконференции об этом сказано так: «Губком в целях скорейшей ликвидации бандитизма свою политику к нему значительно изменил, направив ее в сторону беспощадного уничтожения всех бандитов, попадающих в плен во время боев с оружием в руках...»

Командующий ЧОН губернии телеграммой от 31 июля 1922 года также приказывал повстанцев, захваченных с оружием в руках, расстреливать на месте, «как неисправимых врагов трудящихся».

Обратите внимание: в обоих случаях речь идет о пленных.

24 января 1922 года приказом Горно-Алтайской уездной чрезвычайной тройки район наиболее охваченных восстанием волостей: Куяганской, Песчанской, Черно-Ануйской и Усть-Канской был объявлен на чрезвычайном положении; в селах учреждалась самоохрана, во главе с военным комендантом, устанавливался комендантский час, строгой проверке подвергался каждый конный и пеший, появлявшийся в селе. Жителям предписывалось в 24 часа сдать холодное и огнестрельное оружие, в пятидневный срок покинуть заимки, у кого они были. Крестьяне под круговой порукой обязывались не допускать ни малейшего содействия «бандитам». Уездной чрезтройке предоставлялось право выселять семьи повстанцев с конфискацией имущества, а также выносить смертные приговоры без санкции губернии.

В районы, охваченные восстанием, были направлены выездные сессии реввоентрибунала.

«Не было времени для процессуальной волокиты, — пишет в своей книге «Ойротия» П. Я. Гордиенко, член президиума, впоследствии секретарь Ойротского обкома ВКП(б). — Члены трибунала не копались в статьях законов. Их кодексом была революционная совесть. Мерой, определяющей виновность подсудимого, являлась степень его участия в классовой борьбе. Решение сводилось к короткой записи: кулак, бай, офицер, взят с оружием в руках. Расстрелять. Или: бандит, сдавший добровольно оружие, мобилизован, крестьянин-середняк. Сделать общественное внушение, из-под стражи освободить. Бедняк, бандит, доброволец. Принимая во внимание политическую несознательность, осудить условно, из-под ареста освободить. Пособник бандитов, имеющий крепкое зажиточное хозяйство, оказывал материальную помощь и содействие банде. Подвергнуть строгой изоляции на пять лет, имущество конфисковать...»

Наступил 1937 год, Петр Яковлевич Гордиенко вместе с тысячами и тысячами борцов за власть Советов был арестован, и судьи тоже «не копались в статьях законов...»

Против крайних мер в карательной политике выступил председатель Горно-Алтайского уисполкома Никита Федорович Меджит-Иванов, алтаец по национальности. Он призвал «не применять карательных мер без суда и следствия как к гражданам, уличенным в пособничестве бандитам, так и сдавшимся добровольно». К сожалению, члены укома, за исключением Г. П. Чусова и А. Д. Парка, его не поддержали.

«Миролюбивыми методами не ликвидировать бандитизм, — заявил Г. С. Корняков, заведующий отделом управления уисполкома. — Нужны только карательные меры». В том же духе выступил представитель 21-й дивизии Егоров: «Население сочувствует бандитам, и уничтожить это сочувствие можно только карательными мерами».

«Довольно гуманности!» — воскликнул, пристукнув ножнами сабли, командующий ЧОН уезда А. В. Роликов-Виноградов, бывший тверской крестьянин, член партии с 1917 года.

Да, милосердие было не в почете, почиталось за слабость, недостойную настоящего революционера и коммуниста. Впрочем, не все коммунисты были одинаковы. Пример — тот же Н. Ф. Меджит-Иванов. Выступив вторично, он с нескрываемой горечью сказал (цитирую протокол):

«Вы забываете, что в Горном Алтае мы имеем дело с полудиким, малопонимающим населением... Если говорить о более сильных карательных мерах против населения, подозреваемого в поддержке бандитизма, то нужно говорить об окончательном уничтожении всего Горного Алтая».

Свое несогласие с карательной политикой он выразил в письменном заявлении. В ответ губисполком освободил его от должности и отозвал в Барнаул.

Позже Меджит-Иванов много лет работал консулом в Монголии, был награжден орденом Трудового Красного Знамени, но эта награда не спасла и его от гибели в 1937 году...

Да, не все коммунисты были одинаковы. Забегая вперед, заодно хотелось бы рассказать еще об одном человеке. В середине 1922 года, после гибели Колесникова, остатки его отряда под командой Петра Бурыкина укрылись в горах. Уговорить их прекратить безнадежную борьбу, вернуться к мирному труду, к семьям взялся на свой страх и риск заместитель Усть-Пристанского райпродкомиссара Петр Августович Этко, член партии с 1903 года, слесарь по профессии (больше о нем узнать ничего не удалось). Вот как, по его словам, это произошло.

«...Я написал письмо главарю банды Бурыкину и указал, что он меня спас, когда меня взяли бандиты (в Солонешном, в декабре 1921 года. — *В. Г.*), и потому я спасу тебя и твоих товарищей.

Он ответил, что желательно со мной переговорить. Я рискнул и пустился в глубь гор. На Коргонских белках по указанию бандита, который раньше сдался, нашел банду. Было страшно. Но думал, что меня не убьют.

В течение двух дней мною была выведена из гор банда 21 человек, сдали 21 винтовку, 1 автомат (ручной пулемет) и патроны.

По приходу банды в Солонешное мною был созван сельский митинг, где я обрисовал положение, кто тормозит советскую власть. После моей речи бандиты плакали и голосом извинились перед народом, что они были введены в заблуждение Колесниковым, и если сейчас кто посмеет говорить против советской власти, то мы без оружия его задавим.

После речей я дал команду местному взводу и бандитам дать залп вверх со словами, чтобы больше в Алтайских горах не было братоубийства. Бандиты сдали оружие, получили удостоверения от сельревкома, и я их отпустил по домам. Бурыкин и другие дали мне честное слово, что они еще принесут из гор 300 винтовок и 15 тысяч патронов и от автомата 6 пудов патронов. Я дал гарантию бандитам, что их никто со стороны граждан не тронет, ибо это сыграет еще большую роль на остальные банды, которые скрываются в горах».

Как же отреагировал губком партии на благородный поступок коммуниста, рисковавшего жизнью для того, чтобы спасти от верной гибели 21 человека, возродить в них веру в советскую власть?

От Петра Этко потребовали объяснительную записку (ее мы только что цитировали), а вскоре губком разослал уездным комитетам партии секретный циркуляр, в котором говорилось:

«... Этко не побоялся начать переговоры с бандитами; сумел воздействовать на них и добился сдачи их советской власти. Но с другой стороны допустил недопустимое самовольство. Мы ведем линию жестокой карательной политики, нам нужно уничтожить корни бандитизма. (Здесь и далее выделено мною. — *В. Г.*)

На прошлом опыте мы убедились, что мягкая политика дает лишь временный эффект. Мы не можем быть уверены, что бандиты, оставшись безнаказанными зимой, не явятся кадром для новых банд. (Вот почему и пленных уничтожали как «неисправимых врагов». Меньше забот и хлопот. — *В. Г.*)

Правда, Этко не давал бандитам формальной амнистии, лишь отпустил их по домам, записав их адреса, но у населения сложилось убеждение, что они прощены советской властью. Этим связал руки губцентру, так как если мы будем продолжать применять карательную политику, население воспримет это как обман их советской властью. Губком ставит в известность, что он лишь потому не отдает под суд Этко, вступившего без всякого полномочия в переговоры с бандитами, что им проявлено незаурядное мужество и героизм и, во-вторых, он действовал с чистыми

намерениями. (Слава Богу, хоть это признали! — *В. Г.*).

Губком предупреждает укомы, что впредь за подобную партизанщину виновные будут предаваться суду Ревтрибунала.

Так лучшие, прекраснейшие человеческие качества: милосердие, сострадание, любовь к ближнему (притом к своему соотечественнику) изгонялись как недостойные настоящего революционера, борца за новую жизнь. Так священная кровь людская стала водицей. Лей, не жалей! Кто не с нами — тот против нас!

Не оттого ли столь долгим и отчаянным было сопротивление повстанцев?.. И не сразу, не вдруг свалились на нас раскулачивание, тридцать седьмой год. Они начинались оттуда, а может, и раньше...

«ИСТРЕБИТЬ БАНДИТОВ БЕЗ ПОЩАДЫ...»

2 марта 1922 года командующий войсками Алтайской губернии — командир 21-й Пермской стрелковой дивизии Г. И. Овчинников издал приказ, который по-новому поворачивал тактику борьбы с «политическим бандитизмом», возлагал на ЧОН новые, небывалые дотоле задачи.

Дело в том, что красноармейские части, особенно пешие, оказались неповоротливыми в непривычных горных условиях для борьбы с летучими отрядами повстанцев. Тем — в родном-то краю — все тропки были знакомы, в каждом селе были глаза и уши, а красноармейцы зачастую не знали, что делается за соседним перевалом. Не было у них и той поддержки населения, что у повстанцев. Вот и попадали в засады, гибли, теряли обозы, сдавались целыми ротами в плен, не желая воевать против своего брата-мужика, благо, те пленных не расстреливали.

Учитывая все это, начдив Овчинников решил красноармейцев поставить гарнизонами в крупных селах, а главную тяжесть борьбы с «политическим бандитизмом» возложить на части особого назначения, состоявшие из местных жителей. Из них было сформировано 4 истребительных отряда. 1-й отряд (3-й особого назначения Бийский кавдивизион, 220 сабель) получил задачу уничтожить Кайгородова, 2-й (1-й эскадрон 4-го особого назначения Алтайского кавдивизиона, 120 сабель) — Кармана Чекуракова, 3-й истреботряд нацеливался на Товара Чекуракова, 4-й — на Семенека.

«Начальники истреботрядов подчиняются непосредственно мне, — говорилось в приказе. — Поставленные им задачи должны быть выполнены во что бы то ни стало. Раз найдя банду, начальник отряда не имеет права упускать ее, он должен вцепиться в нее, весь состав истреботряда должен быть проникнут одной мыслью: не выпускать банду до тех пор, пока не будет уничтожено ядро банды вместе с главарем. Твердо помнить завет Суворова: «Недорубленный лес вновь вырастает».

Никаких обозов отряды иметь не должны, каждый начальник отряда должен быть вдвое быстрее банды, инициатива и энергия должны лежать в основе каждого боевого действия. Опираясь на гарнизоны боевых участков, отряды должны истребить бандитов без пощады».

В марте, во исполнение этого грозного приказа, по всему Горному Алтаю разгорелись ожесточенные бои. Только теперь борьбу с повстанцами повели уже не пришлые тамбовские и рязанские мужики, одетые в красноармейские шинели, а в основном местные сельские коммунисты, русские и алтайцы. В буквальном смысле сосед пошел на соседа, родич на родича. Каждый за свою правду...

Поначалу чоновцы испытали ряд неудач. 1-й истреботряд Дмитрия Минакова гнался за Кайгородовым по Уймонскому тракту до самой Усть-Коксы и только тут разобрался, что воюет вовсе не с ним, а с одним из его помощников, Гориновым. Сам же Кайгородов с главными силами, обманув преследователей, еще под Сугашем свернул в горы, где соединился с Карманом Чекураковым и Колесниковым.

10 марта в семи верстах западнее Туэкты они захватили обоз 185-го полка с оружием, 21500 патронами, продовольствием и фуражом. Оставив Кармана Чекуракова для прикрытия тыла, Кайгородов основными силами повел наступление на Онгудай, где находились большие продовольственные склады. С юга к нему подошел Товар Чекураков, а всего собралось до 1200 человек при четырех станковых пулеметах. Кайгородов не сомневался в успехе. Но маленький гарнизон Онгудая, заняв круговую оборону, отбил за трое суток 20 атак!

Потеряв более двухсот человек, Кайгородов двинулся на Уймон, по дороге наголову разгромил 2-й истреботряд Николая Воронкова (у того не осталось и половины бойцов), но под Сугашем столкнулся с обманутым 1-м истреботрядом и подошедшим к нему на помощь 1-м особого назначения Семипалатинским кавполком (400 сабель). Не выдержав их натиска, вернулся на Чуйский тракт, к Шебалино, однако взять его не смог и ушел в глубь гор, к верховьям реки Каспа.

Было ясно, что ввиду огромного неравенства сил повстанцы, чтобы спастись от полного истребления, попытаются уйти на Уймон — надежное свое убежище и отсидеться там до поры до времени. Пришедшим на помощь чоновцам 185-му полку, 3-му и 5-му Сибсводотрядам было приказано перекрыть все дороги на Уймон. С этой же целью из-под Топучей, где он уже оказался, перебрасывался и 1-й истреботряд.

Но Кайгородов опередил преследователей. В ночь на 26 марта он вышел к Чуйскому тракту и, перевалив его, двинулся по рекам Караколу, затем Терехте на Уймон. По свидетельству Сыромятникова, Кайгородов был далеко не уверен, что Уймон свободен от красных, но выбора у него не осталось.

У Чуйского тракта его настиг наконец 1-й истреботряд и сел ему, как говорят, на хвост. Кайгородов уходил изо всех сил, не принимая боя. Лишь у самого входа в Уймонскую долину он, что называется, показал зубы: послав часть отряда на лыжах по горам, сумел окружить чоновцев. Те, с трудом прорвав кольцо, вынуждены были вернуться на Чуйский тракт. На Терехтинском хребте их застигли свирепые бураны с морозами. Только обмороженными отряд потерял 40 человек. На горных кручах погибло 20 лошадей. И все оказалось напрасным! Кайгородов ушел из-под носа..

ИВАН ДОЛГИХ

27 марта подразделения 185-го полка и 3-го Сибсводотряда завязали бои с Товаром Чекураковым, оборонявшим Хабаровку — небольшое сельцо у подножья Чике-Тамана, труднейшего перевала на Чуйском тракте. Хабаровка прикры-

вала путь к одному из проходов с тракта в Уймонскую долину. Повстанцы защищали ее отчаянно. Для усиления красных частей прибыли 5-й Сибсводотряд и 31 марта — 2-й истреботряд, успевший пополниться после поражения.

2 апреля, на шестые сутки ожесточенных боев, повстанцы были выбиты из села и покатились на юг по Чуйскому тракту. Эскадрон Воронкова начал их преследование, но Товар ушел на Уймон, надежно прикрыв заставой проход у «Верблюжьей шейки».

4 апреля 1-й истреботряд, отдыхавший в Онгудае (цитирую воспоминания Долгих), «получил оперативное задание: дойти до Чике-Таманского перевала, там распечатать пакет, содержащий боевой приказ, и действовать согласно указаний, объявленных в этом приказе. Поднявшись на Чике-Таман... командир отряда Минаков распечатал пакет. Обоим отрядам (1-му и 2-му истребительным. — *В. Г.*) под общим моим командованием приказывалось пройти белками с Чуйского тракта на Уймонский, спуститься в поселок Тюнгур, в глубокий тыл противника, и сокрушительным налетом истребить банду Кайгородова, а его самого взять живым или мертвым. Не выполнив этой задачи, не возвращаться...»

Минаков, как видим, был отстранен от должности командира 1-го истреботряда, должно быть, за неудачи, постигшие его в недавних боях с Кайгородовым.

Надо отдать должное прозорливости командования: более подходящего человека для руководства столь рискованной операцией трудно было найти. Барнаульский рабочий-жестянщик Иван Иванович Долгих в ноябре 1917 года вернулся с германского фронта старшим унтер-офицером; в мае-июне 1918 года участвует в боях на Черепановском фронте; затем командует эскадроном в легендарном красногвардейском отряде Петра Сухова, проходит с ним весь двухтысячеверстный путь, участвует и в том последнем бою, в ущелье за Тюнгуром, где полег во вражеской засаде героический отряд... Сам Долгих остался жив потому, что его взяли на поруки волостной старшина Архипов и писарь Гомзин. Приближалась страда, катандинцам дозарезу нужен был специалист по ремонту сельхозмашин.

Недели через две Долгих удалось бежать в Барнаул. Там он был арестован, до марта 1919 года просидел в тюрьме, после освобождения жил полулегально в Барнауле, в августе снова был арестован, но вскоре освобожден случайно вместо кого-то другого. В третий раз судьбу испытывать не стал, ушел к партизанам.

После изгнания колчаковцев был некоторое время командиром батальона 1-го запасного Алтайского полка, начальником учебной команды при Инспехарме-5. Летом 1920 года Долгих уходит добровольцем на Врангеля — командиром батальона стрелкового полка 1-й отдельной Красной Западно-Сибирской стрелковой бригады, которой командовал бывший партизанский главком Ефим Мамонтов. В составе бригады участвует в тяжелейших боях с войсками черного барона. По возвращении с Южного фронта командует отдельным рабочим батальоном, оттуда по своему желанию переводится в ЧОН. 26 февраля 1922 года, в разгар боев с Кайгородовым и Колесниковым, назначается командиром 1-го эскадрона 3-го особого назначения Бийского кавдивизиона.

6 апреля 1-й истреботряд, уже под командованием Долгих, соединился со 2-м. Долгих сразу же собрал командиров эскадронов, довел приказ. Командиры, побывавшие во всяких переделках, на сей раз долго молчали, хмурились, дымили самосадом.

— Легко сказать, — задумчиво проговорил наконец комэск-2 1-го истреботряда Илья Нартов. — Под Терехтой попробовали — еле ноги унесли. На Абай, через Громатуху, нечего и соваться. Остается переход левым берегом Катуни от Усть-Ини на Тюнгур. Каким ушел Товар. Но как выкурить оттуда засаду? Может, попробовать еще раз атаковать в пешем строю?

— Я пробовал, — отозвался Воронков. — Их за камнями не достанешь, а они выщелкивают нас на выбор. К тому же там развернуться даже эскадрону негде.

— Ну, а какой же выход, Николай Иванович? — спросил Долгих.

— У меня в эскадроне есть толковый алтаец Серыга Глушаев. Партизаны 2-го полка хорошо его знают: он у них разведчиком был. Так вот, этот Серыга пытался пронюхать у своих сородичей, нет ли какой тропы через Яломанские белки. Тут ведь напрямик до Катанды не боле сорока верст...

— Запрещаю спрашивать об этом местных жителей! — прервал его Долгих.

— Да он не прямо, он хитрый. Лошадь, говорит, ушла, не к белкам ли подалась. Ну, ему в один голос отвечают, что лошадь туда не пройдет. Иногда этим путем, и то не на лошадях, ходят наиболее опытные и смелые охотники. В нынешнюю же зиму даже пешего не пропустит Яломан. Перевал наглухо закрыт снегами. Так говорят.

— Так говорят? — с непонятной улыбкой спросил Долгих.

— Да.

— Хо-ро-шо.

— Что же хорошего?

— В восемнадцатом, после гибели отряда Петра Сухова, я был в плену в Катанде, ремонтировал сельхозмашины кулакам. И тоже слышал, что кое-кто из местных охотников ходит через Яломан в малоснежные зимы. Но в такую, как нынешняя, смелых, говорят, не находилось. Там и без снега-то можно дважды-два голову свернуть. С белка на Катанду ведут девять спусков, один другого круче. В конце каждого — небольшая площадка, по-местному «прилавок». Видите, какие подробности вспомнил. Не думал, что когда-нибудь пригодятся.

Командиры переглянулись.

Долгих обвел их загоревшимся взглядом, сказал, как отрубил:

— В общем, мы этим путем должны пройти!

— Через Яломан? — вскинул голову Нартов.

— Через Яломан.

Адъютант 1-го истреботряда Иванюк осторожно сказал:

— Сухари кончились, овес тоже.

— Знаю... Потери будут и, возможно, немалые. Но другого пути у нас просто нет. Кайгородов не оставил. А приказ выполнить мы должны.

— Без проводника не пройдем.

— Проводник есть. Василий Андреевич Волков из первого эскадрона. Здешний уроженец, не раз ходил через Яломан. Согласен провести, хотя говорит, что это — игра со смертью. Что ж, поиграем, не впервой. Словом, разговор окончен. Приказываю: больных, раненых, проводников из крестьян отправить в Онгудай. За ночь заготовить вареного мяса на трое суток. И чтоб ни одна душа не знала прежде времени, куда идем. У Кайгородова уши длинные. На рассвете выступаем на Яломан...

ЧЕРЕЗ ЯЛОМАНСКИЕ БЕЛКИ

Эскадрон Воронкова вышел последним. Длинная изогнутая колонна медленно поднималась по каменистому скату, покрытому неглубоким слежавшимся снегом. Утро выдалось солнечное, морозное. Чоновцы привставали на стременах, терли носы, щеки, хлопали себя по бокам, доставалось и лошадям.

— Кусается мороз-то, язви его. А ведь пасха на носу.

— Горы, што ты хошь. На степи, поди, уже ручьи текут.

Воронков стоял сбоку, пропуская эскадрон. Заметив у двух чоновцев приторочённые сзади вязанки с сеном, нахмурился. Где сумели стащить, сукины дети? В горах бескормица. В другое время взгрел бы, но теперь, глядя на пустые арчимаки (переметные сумы), смолчал. Настоящий боец всегда в первую голову о лошади позаботится. Выдержат ли они такой переход на подножном корму? И того пока нигде не видно.

Вдруг Воронков сердито окликнул:

— Рудаков!

— Я, товарищ командир!

— Почему нагрудник не прицепил? На первом же крутике съедешь с седлом на хвост. Первый раз в горах?

— Не первый, товарищ командир. Только я на крутике завсегда слажу. И коню легше, и мне способней.

— Да у него, товарищ командир, не конь, а кобыла, — сказал ехавший следом Никанор Бородкин, никогда не унывающий парень из Ильинки. — И по весне, конешно, брюхата. Через ее брюхо ни одна подпруга не сползет.

— Не слухайте его, товарищ командир, — белозубо улыбнулся Рудаков. — Из зависти говорит. Моя кобыла его мерина спутанная обскачет.

Чоновцы расхохотались. Воронков тоже. Хорошо, когда с таким настроением выходят в поход. Бойцу без шутки не прожить.

Обогнав эскадрон, Воронков поехал рядом с Долгих. Глядя сбоку в его озабоченное лицо, признался вполголоса:

— Одна мысль, Иван Иванович, со вчерашнего дня покоя не дает. Што, ежели какой гад пронюхал и скачет теперь к Кайгородову? Тогда наша карта бита.

Долгих снял рукавицу, погрел ладошкой небритую, с темным пятном обморожения щеку.

— Не успеет. Напрямик не рискнет, а кружным путем, через Ябоган, язык высунет — раньше чем на четвертые сутки не доберется. А мы к тому времени должны быть там.

Справа, из ущелья, потянул пронизывающий ветер, закурилась поземка. Долгих тревожно глянул на белесо-голубое небо, сиявший вдали белок.

— Только б не пурга. Пропадем ни за понюх табаку.

— Да вроде не похоже...

Поднялись на плато, поросшее редким кедрачом. Снег становился все глубже. Лошади проваливались по брюхо, дышали со свистом, тяжело поводя вспотевшими боками. Дав им немного передохнуть, всадники снова гнали их вперед. Движение замедлилось, затем совсем остановилось.

— От-ставить! — скомандовал Долгих. — Не мучить лошадей! Спешиться, протаптывать дорогу поочередно. Смена через тридцать минут.

В ход пошли сделанные накануне в небольшом количестве деревянные лопаты*. По лицам работавших струился пот. Неширокая траншея росла метр за метром.

Лошади рыли копытами низовой крупнозернистый снег, жадно хватали желтые стебельки прошлогодней травы.

Когда глубокий снег кончился и сели в седла, почувствовали, как дьявольски устали. К вечеру мороз усилился, полушубки и шинели задубенели, холод пробирал до костей.

Шли след в след, все вверх и вверх. Лошади с опавшими, курчавыми от пота боками тяжело брели по скользким камням, коварному курумнику (осыпи), и каждый неверный шаг дрожью отдавался в их теле, передаваясь всаднику. И лошади, и люди тяжело дышали: воздуха стало не хватать.

Снова вошли в глубокий снег. Все началось заново...

Перед заходом солнца вышли на малоснежное плато, остановились на привал. Выбившиеся из сил люди сидели и лежали вокруг крохотных костерчиков из можжевельника, которые дымили, но не грели. Ничего другого здесь не росло. Рядом, понурив головы, стояли лошади.

День угасал. В лиловый сумрак погружались горы, подавляя своим первобытным безмолвием. В последних лучах солнца розовел белок, такой же недоступно близкий, как и в начале пути.

Кругом ни человечьего, ни звериного следа...

— И куды забрели? — с сердцем сказал один из чоновцев. — Уж друг друга не узнаем, лошади ребрами стучат, а что дальше будет?

— У Кайгородова, сказывают, народу более двух тыщ, — отозвался другой. — А нас горстка. Кто в белках не пропадет — там голову сложит.

— На погибель завел нас Долгих! Вертаться надо, пока не поздно...

За ночь не отдохнули, а еще больше измучились. К утру ропот стал всеобщим. Он грозил перейти в прямое неповиновение.

Долгих приказал построить отряд. Встал на серый камень-валун, заговорил грозно и гневно.

— Коммунисты и комсомольцы! Пока мы тут пурхались в снегу, некоторые забыли, кто мы такие. Так я напомню: мы есть красные бойцы-чоновцы, гвардия революции! С тех пор, как эти горы стоят, ни один воинский отряд тут не проходил. А мы пройдем! И возьмем Кайгородова живым или мертвым! Запомните: назад нам пути нет. Первого, кто начнет сеять панику, я пристрелю вот этой рукой. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю. А я побегу — стреляйте в меня. Точка. Митинг закрываю. Вперед ма-арш!..

Двинулись молча. Часа через три сделали привал.

Потом снова шли, чтобы не околеть от холода. Время уже не измерялось часами. Шли, пока хватало сил...

Впереди на низкорослой алтайской лошадке ехал проводник Волков, кареглазый молчаливый мужик лет сорока с побелевшей от инея бородой. Часто останавливался, внимательно вглядывался в местность, искал одному ему известные приме-

---

* О лопатах местные старожилы рассказывали ученикам 74-й барнаульской средней школы, совершившим в июле 1977 года под руководством преподавателя Г. М. Кузнецова поход по пути отряда И. И. Долгих. Обломок такой лопаты, сделанной из кедровой доски, они нашли на перевале и принесли с собой.

ты. Даже Долгих старался не отвлекать его без крайней надобности. От этого человека теперь зависели успех похода, жизнь и смерть каждого из них. Заблудится он — назад не выйти. Силы у всех на исходе.

Раньше они стали кончаться у лошадей. Бредет-бредет коняга, вдруг упадет на колени, потом на бок и — хоть арканом тащи! Ни окрики, ни плеть не помогают. Только вздрагивает опавшим дымящимся боком да в глазах — почти человеческое страдание. Помучается-помучается хозяин — снимет седло с уздечкой, погладит верного друга по раздувающемуся храпу, словно прося прощения, и идет догонять колонну, пока у самого силы есть.

А конь, что конь? Если отлежится, то, возможно, придет вниз, к людям, и снова будет ходить в упряжке или под седлом у нового хозяина, а не повезет — достанется волкам...

Потом стали отставать и люди. Долгих приказал бросить седла, а ослабевших посадить по двое на лошадей... К исходу вторых суток вышли на широкое плато, где нашли несколько сухостойных лиственниц — целое богатство! Развели костры, забили лошадь на шашлыки. Жесткое обугленное мясо жевали без соли. Пересол был на спине.

Долгих потребовал от командиров эскадронов доложить о наличии людского и конского состава. Картина оказалась безрадостной. Лошадей потеряно до полутора сотен, людей отстало более двух десятков. А многие из тех, что идут, в бой уже не годятся. Ослабли.

Долгих слушал молча, покусывая растрескавшиеся губы. Хмуро глядел, как неяркое, похожее на сгусток расплавленного стекла, солнце клонилось к зубцам далеких гор. Потом, словно очнувшись, сказал раздельно и властно:

— Всех ослабевших оставить. Пусть идут следом, как могут. Остальным приготовиться к маршу. До спуска, проводник говорит, осталось пять-семь верст. На рассвете атакуем Катанду.

Воронков недоуменно посмотрел на него:

— Как же бросать боевых товарищей? Случись пурга — пропадут.

— И без пурги могут пропасть, — поддержал Нартов.

— Другого выхода у нас просто нет. Не успеем выйти к Катанде до рассвета — все пропадем.

За час до захода солнца 300 чоновцев, из них лишь половина конных, двинулись в последний переход... Подошли к первому спуску. В сумерках уже не видно было, где он кончается и чем.

— Куда ты нас завел? — накинулись на проводника. — Здесь костей не соберешь.

— Да вы, ребятки, не робейте. Маленько на заду прокатитесь, эка беда! Спуск ровнехонький, всего сажен двести, а внизу прилавок. Другой дороги все равно нетути.

К обрыву протолкался пеший Долгих:

— В чем дело? Почему остановились?

Неумолимым взглядом уперся в рослого чоновца с обмороженным носом:

— Командир взвода, вперед!

— На погибель, что ли?

Долгих расстегнул кобуру револьвера:

— Впе-ред!!

— Эхх!..

Взводный рванул за поводья упиравшуюся лошадь, и оба покатились вниз. Долгих перевел взгляд на другого.

— Вперед!

Один за другим бойцы и кони исчезали внизу, в темноте. Особо упиравшихся лошадей валили на бок и спихивали вниз. Долгих спустился последним. Когда внизу, на «прилавке», собрались и оглядели друг друга, себя ощупали, удивились.

— Целы!

Лишь несколько лошадей разбилось, да один чоновец сломал руку. Синяки и царапины в счет не шли.

Второй спуск одолели уже с меньшей боязнью. За ним — третий, четвертый... Ночь уходила. Долгих торопил изо всех сил. Отставших не ждали. Подойдя к очередному обрыву, катились вниз, разбивались, калечились в темноте и спешке. На каждом «прилавке» отряд становился все меньше и меньше...

В КАТАНДЕ

Катандинский крестьянин Семен Коробов был разбужен на своей заимке резким стуком в дверь.

«Кого там нелегкая несет? — удивился старик, с трудом оторвав голову от подушки. — Кажись, еще первые петухи не пропели. Должно, кайгородовские молодцы пасху не допразднували. Не миновать лезть в подпол за брагой».

Сунул ноги в нагревшиеся у печки пимы, засветил лампу, откинул массивный крючок. То, что он увидел, заставило его похолодеть от страха, хотя старик был не из робкого десятка.

В избу, бряцая оружием, ввалилась группа людей, похожих на призраки — до того они были обледенелые, оборванные, изможденные. Передним был страховидный, ростом под матицу верзила с обмороженной щекой, с горящими, как угли, глазами и наганом в опухшей, в кровоточащих ссадинах руке.

— Кайгородов в Катанде? — хрипло спросил он.

— Здеся.

— Кто еще с ним?

— Да вы кто такие?

— Отвечай!!

Несмотря на испуг, старик заметил, что всех его незваных гостей била дрожь. Их трясло, как в лихорадке. Но это был не страх, страха в их глазах не было. Старик вдруг понял, кто они. «Неуж с белка свалились, дьяволы? Свят, свят...»

Его толкнули на середину комнаты, посадили на табуретку. Лампу отобрали, погасили. Подгоняемый вопросами, он стал рассказывать.

— В Катанде у Кайгородова народу немного. Ударная сотня, сотня личной охраны, но от ей, сказывают, не боле шести десятков осталось с последнего похода. Штаб само собой, лазарет...

— Где остальные?

— В Усть-Коксе и Тюнгуре. Оттуля ждем гостей.

— А отседа не ждали?

— Промашку дал Ляксандра Петрович, хоть и стреляный волк. Даже заслона не выставил...

Раздался смех, простуженный, хриплый, но победный.

Старик удивился: у них еще смеяться силов хватает!..

— Чем занимается Кайгородов? — спросил верзила.

— При ем не состою. Однако вижу, что вернулся он с последнего похода сам не свой. Пьет без просыпу, зверует. Покачнулся атаман... Намедни с помощником своим, Товаркой Чекурако-

вым, по пьянке разодрался. Приказал запереть Товарку в амбар с куделей, а он там сгорел. То ли спьяну огонь обронил в куделю, то ли поджег кто — пойди разберись.

— Туда ему и дорога. Дед, а что у тебя из жратвы есть?

— Сухарей мешка два в амбарушке, сало. Солонина в подполье, меду лагушок.

— Лошадей сколько?

— Двадцать. Дык то кайгородовские! Он мне голову снимет.

— Не снимет. Товарищи командиры, людей пересчитать, покормить. Воронков! Ребят понадежнее пошли в разведку. Но чтоб не спугнули! Теперь все на волоске.

К заимке Коробова спустилось 150 человек — половина тех, кто вышел с последнего привала. Лошадей осталось вдвое меньше. Чудом уцелел один пулемет.

В пять часов, немного отдохнув и подкрепившись, двинулись вниз, на Катанду. Шли пологим скатом, поросшим кое-где редким кустарником. Под ногами похрустывал ледок. Видно, днем уже подтаивало. Впереди чуть угадывалось темное скопление домов — Катанда... До нее осталось четыре версты...

Одна группа отделилась, пошла вправо, на Абайское седло. Воронков с другой группой двинулся влево, на Тюнгурскую дорогу. Ни одна душа не должна была вырваться из Катанды и привести помощь Кайгородову!

Группе Воронкова под прикрытием кустарника удалось подобраться к заставе, охранявшей дорогу на Тюнгур. На обочине, в полупещере, горел костер, что-то варилось в котле. Вокруг в спокойных позах сидело и лежало до десятка человек. Один из них, по голосу молодой, встал и пошел вприсядку, разогреваясь, да еще и запел:

Как бандиты наступали,
Пулеметы чакали,
Комиссары удирали,
Только шпоры брякали.

— Тихо, дура! — остановил его грубый голос. — Сотенный услышит, он те начакает.

— Хы, сотенный! Он, поди, после пасхи-то и к обеду не проспится.

— Не положено петь: на посту находимся.

— А кого бояться-то, дядя Еремей? Комиссары у Терехты обожглись — теперь сюда до лета не сунутся. А сунутся, так, поди, не в Катанду? К нам сюда прямиком только разве што птица прилететь может.

— Тихо ты, ботало! Из села шум какой-то доносится.

— Огонь! — скомандовал Воронков и швырнул в костер последнюю оставшуюся у него гранату.

Грохнул взрыв, котел опрокинулся, все заволокло дымом и паром. Через несколько минут с заставой было покончено. Вскоре со стороны Катанды послышался быстро приближавшийся топот копыт. Чоновцы перехватили трех всадников, направлявшихся в Тюнгур. Все трое оказались важные персоны: комендант Катанды полковник Толеев, командир сотни из отряда Товара Чекуракова Кискин и главный интендант поручик Толмачев. У Толмачева на двух запасных лошадях оказались вьюки с мануфактурой. Это даже рассмешило чоновцев: проворен их благородие...

Группа Нартова, наступавшая на Катанду, удачно сняла у поскотины двух задремавших часовых. Затем, оцепляя двор за двором, чоновцы начали повальный обыск в каждом доме. Повстанцы, не ожидавшие нападения, выскакивали полуодетые; некоторые пытались обороняться, но скоро падали под пулями и клинками чоновцев. Лишь немногие успевали вскочить на лошадей и кинуться в сторону Тюнгура или Усть-Коксы. Но там их ждали...

В только что мирно спавшем селе нарастала стрельба, мужские крики, женский визг и плач, испуганное ржание лошадей, лай собак...

Небольшая группа чоновцев во главе со старшиной эскадрона Тихоном Михайловым, не ввязываясь в схватку, быстро продвигалась к дому, в котором, по словам старика Коробова, остановился Кайгородов. Вот и этот дом, ничем не приметный среди других. Чоновцы начали окружать его. В это время на низкое крыльцо выскочил рослый человек во всем кожаном, крикнул властным голосом:

— Что за стрельба? С ума посходили, дьяволы!

— Ты кто такой? — спросил Михайлов.

— Сдурел? Я Кайгородов.

— Тебя-то нам и надо.

Грохнул выстрел. Кайгородов схватился за грудь. Прежде чем он скрылся за дверью, Михайлов успел выстрелить второй раз...

Кайгородова вытащили из подполья уже мертвого. Изо рта у него шла желтая пена: очевидно, он успел принять яд. Должно быть, заранее готовился к такому финалу...

С него сняли коричневую кожаную куртку, такие же штаны, бросили полуголого в розвальни и повезли к Долгих.

* * *

...Долгих, адъютант Иванюк, связные, быстро увеличивающаяся толпа чоновцев, еще не остывших после боя, с нескрываемым любопытством разглядывали поверженного подъесаула, его суровое, с уже проступившей сквозь загар мертвенной желтизною лицо с черными, подстриженными по-над губой усищами от уха до уха, в которых запеклись кровь и желтая пена, две скупо алевших пулевых раны на крутой волосатой груди. Уже начавший коченеть, лежал в стареньких крестьянских санях, в окружении победителей, некогда грозный предводитель горноалтайских повстанцев.

— Ну вот, — сказал Долгих, не скрывая радости. — Дело сделано.

— А ведь, пожалуй, не поверят, что мы его укокали, — отозвался Иванюк. — Самим-то еще не верится.

— Поверят! Пиши донесение.

Долгих выплюнул окурок и потянул из ножен саблю. Худое, давно не бритое, в темных пятнах обморожений, лицо его приняло хищное выражение.

— А ну, посторонись!..

ЖЕСТОКОСТЬ

В Катанде мне приходилось слышать, что Долгих не только самолично отрубил голову мертвому Кайгородову. Его жертвами стали и 40 пленных повстанцев. Ворвался, рассказывают, на коне во двор, куда они были согнаны, и давай крушить саблей безоружных... пена выступила на губах...

Чем объяснить такую жестокость?

Возможно, решил отомстить за боевых товарищей-красногвардейцев из отряда Петра Сухова, погибших в 1918 году за Тюнгуром? Их тогда свыше ста человек, обессилевших от ран и голода, выловили, после разгрома отряда, уймонские кулаки, в том числе и катандинцы, передали казакам, а казаки, после побоев и издевательств, всех расстреляли. Даже девушек-санитарок не пощадили...

А может, Долгих просто выполнил приказ о «беспощадном уничтожении бандитов, попадающих в плен с оружием в руках, как неисправимых врагов трудящихся»?

Скорее всего так, ибо он не только не понес наказания, а был 1 мая 1922 года удостоен высшей награды Республики — ордена Красного Знамени. Вместе с ним эту награду получил Тихон Михайлов, смертельно ранивший Кайгородова, а несколько позже — еще шестеро чоновцев.

Весть о расправе с пленными в Катанде разнеслась по всему Горному Алтаю и наделала немало вреда. Карман Чекураков позже на допросе показал, что после гибели Кайгородова он совсем решил сдаться, но, узнав о том, какая участь постигла пленных, решил бороться до конца. Конечно, он не один поступил так...

* * *

После гибели Кайгородова повстанческое движение в Горном Алтае пошло на убыль. Поняв безнадежность дальнейшей борьбы, повстанцы группами и в одиночку стали выходить из гор. Уже в середине апреля в Чемале сдались командиры отрядов Штанаков, Словарецкий, Семешок, Себешев, Манеев. В мае 2-й истреботряд Николая Воронкова наголову разгромил Колесникова, в бою погиб и командир повстанцев. В конце августа чоновцы проникли в ущелья Аргута, во владения Кармана Чекуракова. С последним крупным очагом восстания было покончено. К октябрю распался отряд Тырышкина и сдался он сам. Некоторое время в горах укрывались мелкие группки по 10—15 человек, но вскоре и они исчезли с горизонта.

В разведсводке штаба ЧОН Сибирского военного округа за ноябрь 1922 года было подытожено:

«Горный Алтай является самым спокойным в Сибири».

Не слишком ли дорогой ценой было оплачено это спокойствие?..